

Владимир Романов

Поэты и их стихи

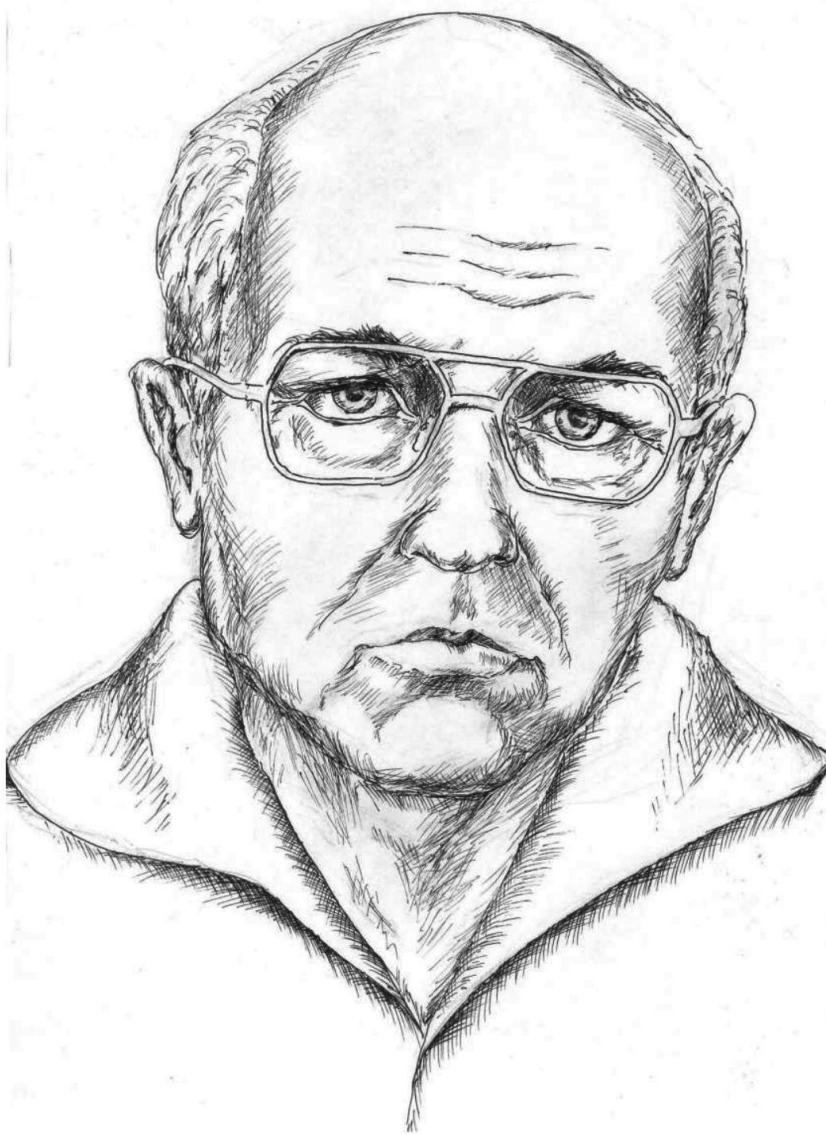
Пародии и шаржи

Том 3

Владимир Ром

О, милые, моей душе поэты,
Прошу меня не осудить.
В стихах я Ваших ищу идею,
Завязанную в смысловую нить.

Стремлюсь связать я воедино
Ваш образ и рожденный стих,
Чтобы понять всю эту сложность,
Как удалось Вам сотворить

Владимир Романов
бумага, тушь, 30x40
1986

Николай Аксельрод

Вместо слов — утюги.

И стихов больше нет — утюги.

Проза стала давно прозаической сталью.

Оглянись, не ленись, и увидишь — одни утюги

Гладят молча земные морщинки и дали.

Владимир Ром

Утюги, утюги парят гладят мозги,

Всё, что было мне послано Богом.

Все извилины мне разровняли они,

И стихов больше нет, только дали.

Авакумова Мария

Не потому ль родник резвится,
что всяк — в жару — к нему стремится?!
Ну а зимою он молчит:
тачает думы иль ворчит
и, льдом окованный, не ждет,
что кто-нибудь к нему придет.
Вот так и ты, поэт, — свободный
от службы, денег и чинов,
обжечь восторгом ум холодный
хотя бы редко будь готов.
И нынче время не такое,
не лётное — стихом резвить.
Ему назначено другое —
молиться словом и трезвить.

Владимир Ром

Как верно Ваше сочиненье,
Родник с стихом сопоставлять.
Духовной жизни недостаток,
Стихами жажду утолять.

Стихом резвить, стихом молиться,
Стихами строить, поздравлять,
Трезвить стихами и резвиться,
И в жизнь иную провожать.

Александр Алейник

Гагарин Юрий Алексеич,
любимый дедушкин герой,
и летчик, друг его, Серегин,
давно лежат в земле сырой.

Быть может, дедушка их встретил
и рассказал, как их жалел,
когда они разбились оземь,
ведь он за ними улетел.

Теперь все трое там, все трое,
где Рим, и Греция, и Троя,
и если скучно им втроем,
пусть не скучают, мы придем.

Владимир Ром

Наверно Бог не согрешил,
Когда нам всем судьбу решил.
С рожденья, жизнью и упокою,
Гагарину, Серегину и нам с тобою

Александр Анашевич

Я не хочу быть живым мертвецом,
Бояться солнца, ходить по ночам с бледным лицом,
Пить как воду чужую кровь,
есть чужое мясо как бараний плов.
Я хочу чтоб меня положили в гроб,
Уйти под землю как крот,
Чтоб не коснулись человеческой плоти мои зубы, мой
рот.

Владимир Ром

Не хочешь пить чужую кровь,
Чтоб зубы не касались человеческой плоти.
Не ходи по ночам с бледным лицом,
Не бойся солнца, будь живым бойцом

Александр Анашкин

Если бог простит сядем рядышком
будет снег идти беспорядочно
перед тем как лечь головой к зиме
будет время течь как вода сквозь медь
по руке рука чуть теплей воды
подожди пока на земле следы
заметет к утру коль уйдешь сама
лишь слова сотру и листок в карман.

Владимир Ром

Если Бог простит мой шальной дурман,
Перед тем как лечь головой к ногам.
По ноге рука чуть теплей воды,
Будет время течь, как в зиме пурга.
Заметет к утру, коль уйдешь сама,
Лишь следы сотру и листок в карман

Александр Бараш

Голова в полосе отлива
Воздух сед и скрипит как кровать
Расскажи мне Иосиф Флавий
об умении выживать
Слева пальма а справа ибискус
Небосвод – сухой водосток
Это выход – по кругу и наискось
переход из стекла в песок
Золотому уменью все бросить
и в другом измеренье собрать
научи хитроумный Иосиф
- фарисейству не умирать
Я свидетель почти на халяву
но никак не пойму в чем здесь суть
Объясни мне Иосиф Флавий
как слепить прозрачный сосуд
Новый день – как пакет для мусора
чист бесцветен и пуст пока
Слева пальма а справа гибискус
Голова затекла как рука

Владимир Ром

Если воздух скрепит как кровать,
В голове полоса отлива.
Надо меру всегда сознавать,
В возлиянии спиртного залива.
Небосвод как сухой водосток,
Сыплет жизнь сквозь прозрачный сосуд.
Золотому умению все бросить,
И в другом измерении собрать.
Подсказал мне учёный Иосиф –
фарисейству не умирать,
Но пока новый день, как в пакете,
Будешь все, что творил собирать

Александр Белых

Будет комната у нас, расставим книжки:
что им в темнице ящиков
храниться от наших глаз!
Они также любят, как и мы,
чтобы к ним прикасались,
трогали руками и, лизнув палец,
проводили им по корешку.
Читать тебя — вот наслаждение!
Пусть это чтение будет самым долгим,
самым бессонным, до корочки.
Потом уснуть на полуслове
с книгой в руке, отброшенной в сторону,
с твоим дыханием на щеке,
с которой я собирал хвоинки
и говорил: «Колкие какие!»
Будет комната у нас, будет,
расставим забытые книжки:
Катулл, Кавафис, Клюев и Кузмин...

Владимир Ром

Книги выстроились в ряд по различным полочкам,
Чтобы Сашу наслаждать чтением духовным.
Чтоб листочки разных книг трогали руками,
И лизнув в экстазе палец, разум наслаждали.

Александр Беляков

Год Фаянсовой Свиньи.
Протокольная заря.
Входим, сами не свои,
В департамент декабря.
От личин не отличимые,
Мы уже не знаем, чьи мы.

Владимир Ром

В год Фаянсовой Свиньи,
Все мы право обрели,
Нарушать по свински все приличия.
Ходим сами не свои,
Чьи уже не знаем мы,
Всё по свински рассуждаем и ругаем.

Александр Блок

Известный во всем Море Блок
Третий поэт после Цветаевой и Шекспира,
Живет средь нас как астероид 2540,
В названии улицы у Петрограда
Владимир Романов

Александр Бобров

В древнем городе Судак
С генуэской крепостью
Вёл себя я как дурак,
Распростившись с трезвостью.

.Владимир Ром

Надо умным быть всегда,
В трезвости, не трезвости,
Хорошо себя вести,
В городе, и в крепости.

Александр Бубнов

Как же спасти мне хрупкий
единственный из голосов,
если он стиснут трубкой
между двух рычагов?!

Владимир Ром

Чтоб спасти Вам голос хрупкий,
Не дымите Саша трубкой.
И не прячьте голос свой
Меж зубных двух рычагов.

Александр Гальпер

Я человек который родился и еще не умер
Я человек который депортировали за чтение стихов из Англии
Я человек который никогда не женится
Я человек который может пить водку, а может и нет
Я человек который закуривает после пятой рюмки
Я человек у которого слишком рано начали умирать друзья
Я человек который живет в стране, где его родной язык
понимает только 1 процент населения
Я человек который не знает он русский, еврей, американец или
украинец
Я человек который любил Танго и уже не любит
Я человек у которого ругались родители
Я человек который завтра утром зайдет в метро
И уснет в вагоне, натянув шапку по уши.

Владимир Ром

Считаю, Ты человек 11 раз,
Рад, что живёшь и творишь среди нас.
Только не спи в вагоне метро,
Шапку утащат и ещё кое-что.

25

Александр Горнон

Скорей ПО (и бабыПО

маши мёт

нам ! лам) прикольно

во и

ГНЕ мя иКРА

ЧЕреПО пи

лох ВОспаление

И Яс как Ис

Но

чником лам бог в помощь! Другому

пой

и той на расчётной орбите

с искусственным спутником жизни

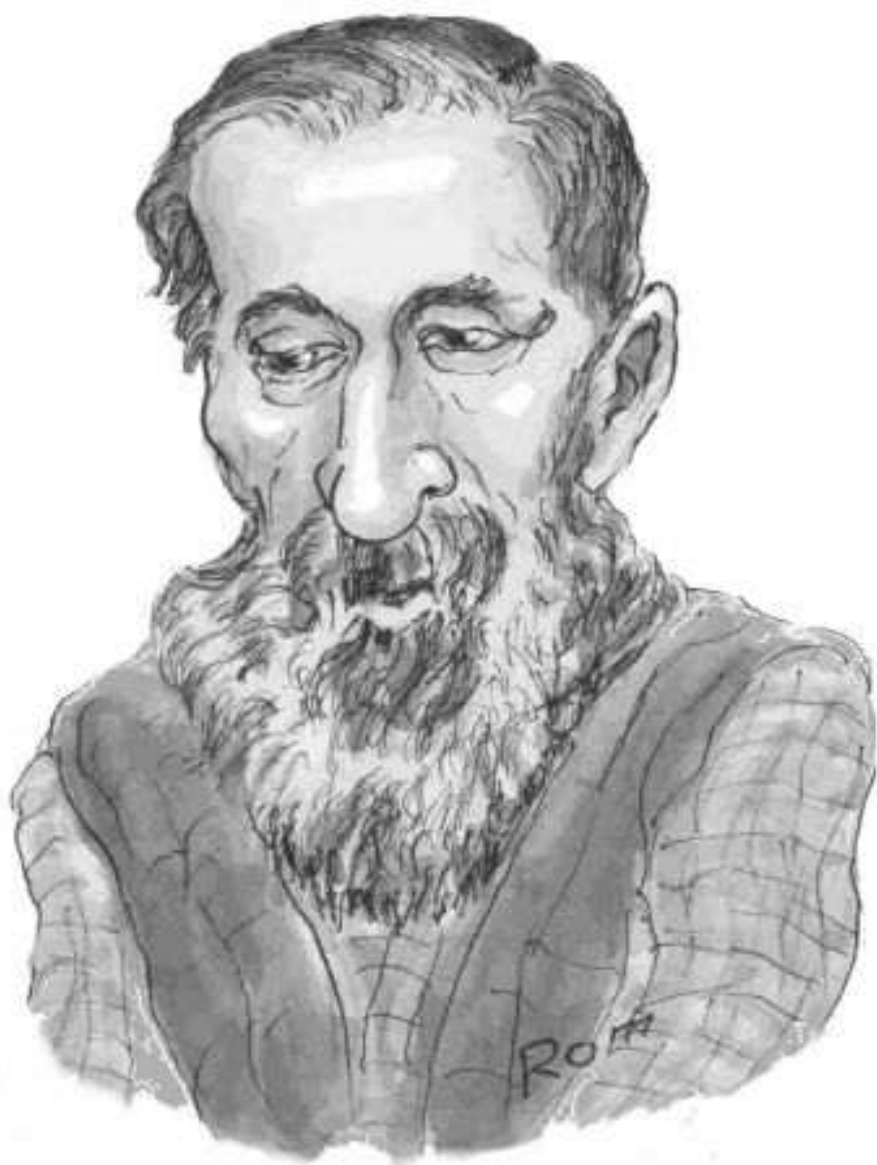
Владимир Ром

На встречу космическим пришельцам,

И нашим земным заикам,

С приветом, с раскрытым сердцем,

С графическим полифоносемантическим стихом.

Александр Дельфинов

Зайду порой в музей на вернисаж
И думаю, шампанским увлеченный:
Что лучше – живописный пейзаж
Или квадрат вонючий, черный?
Профессией своей по праву горд,
Я сохраняю кровь и почву нации.
Что чище – сочный натюрморт?
Тупая порноинсталляция?
Красивее ли красочный портрет
Мазни упоротых наркотов?
...Я в платье штатское, неброское одет.
Простой искусствовед, без наворотов.

Владимир Ром

Поэт простой искусствовед,
Без наворотов, в платье штатском.
Но. Он в сто крат дороже нам,
Любых Мона Лиз и “Чёрных квадратов”

Еле-еле душа в теле.
От бессонниц одурели.
Но сегодня праздник, брат,
Но сегодня наш парад, -
Веселей, брат, веселее!
Удивляются туристы,
Заливаются горнисты:
Пузо выпятив, дудят,
Глаза выпучив, глядят,
Как идут авангардисты.
Прямо на ходу влевеют -
Девы от восторга млеют:
Ах, как тапочки стучат,
Ах, как бороды торчат,
Ах, как джинсы голубеют!
Вот идут поэты наши,
Музы им платочком машут.
Они зенки-то зальют -
Чего хочешь, воспоят,
Вспоят, да и воспляшут!
А это кто же, мой ты Боже,
Рожа к роже, рожа к роже?
Не поют и не кричат,
А куда-то все стучат...
Это кто же, это кто же?
Взвейтесь, соколы, орлами!
Лейтесь стройными рядами!
Ах, как славно мы идем!..
Ох, куда же мы придем,
Ох, куда мы, ох, куда мы?..

Владимир Ром

Заливаются горнисты,
Гимн поэтам продудят.
В светлый путь авангардисты
Нам укажут, проводят.
Мы всем телом и душой
Вспоем да и воспляшем,
Вправо, влево не свернем,
Но туда же, ох куда же ?
Мы так резво все идём..

Александр Иличевский

Итак, мы только косточки
точнейшего из снов,
чья мякоть сладко-теплая
растет из зренья, слов -
из бормотанья сонного,
объятий сна и тел,
слюны, чего-то темного,
и белого, как мел.

Владимир Ром

Из бормотанья сонного
Мы с Вами состоим,
Объятий сна и тёмного,
Чем думаем, грешим.
Внутри мы только косточки
Из бормотанья слов,
Слюны чего-то тёмного,
Тончайшего из снов.

Александр Ильянен

Я не солнце русской поэзии.
Я, скорее, ее вода.
Переливаюсь под лучами солнца или луны,
волнуюсь, и часто до девятого вала!
Временами совершенно спокоен и тих.
Я отнимаю жар у купальщиц и купальщиков,
люблю прикосновения их гладких тел.
Я утоляю их жажду
есть безумные которые бросаются в меня
с моста или обрыва
как будто во мне есть покой

Владимир Ром

Я в натуре на 70% вода,
Если броситься в меня с моста,
Не утонешь во мне никогда
И увидешь, что нет во мне дна.

Моя бездна в лучах освещена,
От луны и от солнца сполна.
От купальщиц и купальщиков согрета до дна,
Утоляет всем жажду она.

Александр Карвовский

Я столько лет подряд читал макулатуру,
Старательно переводил чужой, но хлам,
Что, научившись ремеслу, решил и сам
Украсить собственным добром литературу.

С чего бы начинать? Сперва пытался сдуру
Освоить модные ходы, да только срам.
Печальный результат я предъявляю вам -
Унылый сей сонет являвший процедуру.

И понял я, засев по нос в родном дерьме,
Что шею гнуть мне на других, и быстро ме-
жду дел переборов ненужную досаду,

Вернулся к переводам в простоте, вот так.
(Оставив за собой невинную отраду
В чужую грязь плевать,
коль жить невмочь без как.)

Владимир Ром

Всё в жизни относительно и так в литературе,
Что хлам, что гениально для кого.
От Бога суждено Вам заниматься переводом,
Чтобы народам создавать добро.

Александр Купидон

Ну, наконец-то, и в Москве прозрели,
А то всё видеть не хотели,
Как миллиарды уплывают,
Как будто бы не видят и не знают.

Но, тем не менее, свободы не видать,
Закон не примут, чтоб назад всё отобрать.
И в этот раз, мне кажется, опять
Лапшу на уши будут нам цеплять.

Владимир Ром

Как раз законы принимают
И весь народ тем убеждают,
Что это факты демократий,
Всего лишь бизнес разных мафий.

Народ избрал всех предводителей,
Законотворцев и вредителей.
Беда в одном лишь только есть,
Что ту лапшу не станешь есть.

Александр Левин

Жужженщина жужжалуется громко
на жужжеликоватого мужа;,
на жжухлого и чухлого потомка,
на пухлого и пахлого ежа,
жужжасного шkodливoгo кoтa,
змеючую гремучую сссвекровь...
Жужжизнь, короче, выдалась не та,
но и она не повторится вновь.

Владимир Ром

Жужжащие и пахнущие строчки,
От женщины и пахлого кота.
Гремучей змеючей свекрови,
О том, что жизнь так коротка
И выдалась наверное не та.

Александр Макаров-Кротков

знаешь
тогда он был тёмно-зелёным
с отчётливой дымкой
что не мешало
впрочем
да и теперь
он доступен
как бы из-за угла

Владимир Ром

О лишнем он не думает, не пишет,
Но мысли излагает иногда.
В тёмно-зелёном с отчетливой дымкой,
Которая видна из-за угла.

Александр Месропян

и весь твой свет не стоит ни шиша
и весь твой век не стоит ни гроша
когда записку развернешь едва дыша –
и между двух скоропостижных строк
тебе темнеет женская душа
темнее паузы меж разведенных ног

Владимир Ром

Озабоченный мысленно иль легкомысленно,
В душевном порыве, что дал ему Бог.
Спит и видит в начертанных строчках,
Тёмные паузы меж раздвинутых ног.
Смерть не страшна, но чуден лик убийцы:
дробь мелкая в изменчивом зрачке.

Александр Миронов

Я так боюсь разбросанной пшеницы,
пустой ладьи, плывущей по реке...
Смерть не страшна, но чуден лик убийцы:
дробь мелкая в изменчивом зрачке.

Мне так чужда воскресная отрада,
Чудная блажь рабочего осла...
Душа бежит, как пастырь, бросив стадо,
Влекомая движением Числа.

Как сладко жить под числовою манной
Прощенным сыном в закромах Отца...
А здесь все тот же снег рабочий, странный,
и ворон, стерегущий мертвеца.

Сплошное обращение чумных, черных,
рабочих правд и оборотней их —
томление событий обреченных
и мреянье образов больных.

Владимир Ром

Навеян мреяньем от образов больных,
Гонимый ходом событий обречённых.
Насыпал снег рабочий, странный,
В свой стих о чёрных и чумных.

Душа бежит, о буквы спотыкаясь,
Как блажь рабочего осла.
Смерть не страшна, плывущей по реке пшеницы,
Влекомая движением Числа.

Александр Ожиганов

“Как поживает донна Анна?”
Гранит. Фонтанка. Полынья.
Все в жёлтом пламени обмана
или желанного спанья.
Поспать?! И только-то?.. Не пустит.
Жалеть? До свадьбы заживёт...
Но даже здесь любовной грусти,
любовных мук невоворот.
Когда наложены запреты,
то излагают “Домострой”.
Жуки, насмешники, поэты!..
Слух заостри, удвой, утрой!
И здесь всё та же подоплёка,
всё тот же кочевой дурман:
смерть под рукой — послушный сокол,
и донна Анна — у цыган.

Владимир Ром

Гранит . Фонтанка. Полынья.
Всё в желтом пламени обмана.
И донна Анна полная любовных мук,
Желает спать, но с кем не знает.
Жуки, насмешники поэта
Здесь излагают “Домострой”.
Слух заостри, послушный сокол,
Смерть под рукой, удвой, утрой!

Александр Очертянский

солнце ветер волны небо
ветер солнце облака
волны небо воздух солнце
чайки ветер сильный ветер
грозовые облака
чайки тучи ветер волны
шум прибоя ветер тучи
тучи ветер ветер тучи
все чернее и все ниже
тучи тучи тучи тучи
волны выше выше выше
чаек след простыл
гроза

Владимир Ром

Солнце волны небо тучи,
Ветер гонит облака.
Шум прибоя уши глушит,
Чаяк в небе ни шиша.

Все природные явления
Для грозы он изложил.
Но про молнию наверно,
Саша в стих вписать забыл.

Александр Переверзин

Плыви к чужому океану,
Орех, щербатая корма,
По ручейку, по автобану,
По льду, когда придёт зима.

При двестибальной безнадёге
От гибели на волосок,
По бездорожью, по дороге,
По компасу наискосок.

Плыви меня – в морской и пресной,
В живой и неживой, в любой,
Умалишённый, одноместный,
Орешек мой, кораблик мой.

Бей воду, продыха не зная,
Несуществующим винтом,
Моя надежда костяная,
Скорлупка хрупкая, фантом.

Владимир Ром

Плыви меня фантом чудесный,
Сквозь пелену, туман в мозгу.
По бездорожью, океану, по автобану, по морю и ручейку.
В любой воде, в морской и пресной,
В живой и не живой, во льду.
Крути винтом без завихрений,
Среду, в которой я живу.

Александр Рапопорт

Уже не важно, с какого мига
необратима природа сдвига,
но на излете имперской ломки,
когда по ветру летят постромки,
а пьяный кучер орет при встряске,
в притихшем зале предаст огласке
беспольный голос Аэрофлота
и номер рейса, и час отлета.
Над головою зажгутся строки,
и подтвердятся слова и сроки.
Так станет явной бывшая тайна.
Мы – по ошибке, мы здесь случайно
идём, в гортани миндаль катаем:
Ерушалаим, Ерушалаим...

Владимир Ром

Вас не ломали и не по пьянке,
Вы так решили, не согрешили.
Судьбу шальную из под нагана,
Убрать в страну духовного тумана.

Не по ошибке и не случайно,
Зажгутся строчки над головами.
Объявят рейс и час отлёта
Российского Аэрофлота.

Александр Самарцев

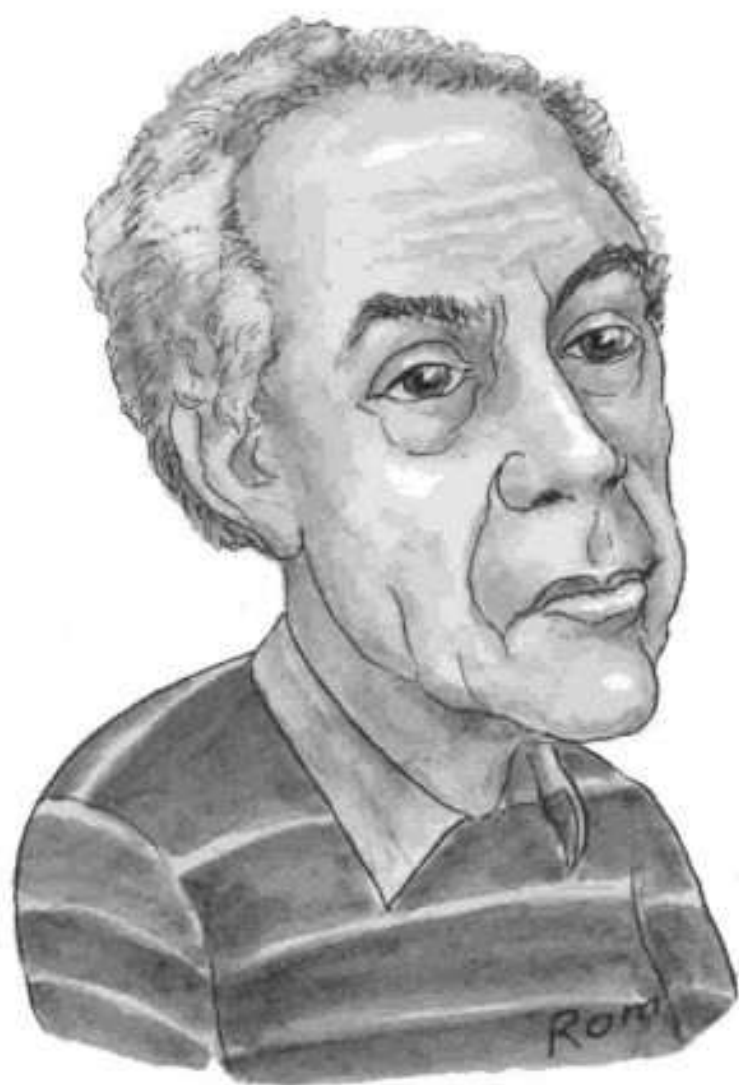
На увальня “боинга” ухом ведет листопад —
лампасы в “мигалках” сверкнули — как быть со шпионом? —
кулек полосатый, жужжа, искупительный яд
по глобусам возится сочным, по коркам зеленым.

Почуял рассвет от Курильских миграцию ос,
в державную дыню, в сладчайшие дыры сознания
направо-налево протяжные точки вонзая, —
ура! — сколько ж врать нам еще? — сорвалось.

Дюраль и укусы, — братайтесь, но не воровски,
а точно ворсистая очередь — с семечком схожим,
да снимутся шоры по полной программе — о Боже! —
когда разожмет листопад в перекрестье виски.

Владимир Ром

Ваш “боинг” кулек полосатый,
В сладчайшие дыры сознания несет искупительный яд.
Налево-направо протяжные точки вонзая.
Сколько ж еще вам врать?
Да снимутся шоры по полной программе,
Когда разожмет в перекрестке виски листопад.
Что сделали вы со шпионом?
Когда он почуял рассвет.
В державную дыню сознания.
Пошлет вам свободный привет.

Александр Скидан

все что связано с подлинностью
мыльный привкус
техномузыка из дверей кафе
пролегомены
ко всякой будущей метафизике
воображаемые решения
катакомбы
"никогда не говори со мной
таким тоном"
красно-коричневая чума
новый порядок означающих
the sun is going so fast
березки
полупроводники
сновидения
обрезки ногтей
сопротивление бесполезно

Владимир Ром

Бесполезно любое сопротивление,
Где берёзки проводники.
В катакомбах грядущей метафизики,
Пролегомены из дверей кафе.

“Не говори со мной таким тоном”,
Красно-коричневая чума.
Мыльный привкус связан с подлинностью,
Где твоё прикосновение пера.

Александр Сорока

И слышно: стонут мачты корабля.
Кругом земля - спокойно, рулевой! -
Ты - бусина на чётках у старухи.
Ее сухие пальцы шелестят -
"Помилуй, Боже", "Отче наш"
и "Верую", - всё шепчет эта
старуха древняя.
А может быть, ее не существует:
лишь ходики на стенке и свеча.
И чётки.

Владимир Ром

С молитвами росли все мы,
Всосав их с материнским молоком.
И верим в то, что защищает,
В ненастье Божеским перстом
И слышится молитва на устах старухи,
А время, как сгоревшая свеча,
Тиканьем ходиков в углу,
В небытие нас всех уносит.

Александр Суриков

КАК НА ФОТО ИЗ АЛЬБОМА
СТОИТ МАЛЬЧИК МАЛЬЧИК РОМА
ДЕРЖИТ ШАРИКИ В РУКЕ
ТУЧКА ПО НЕБУ ПЛЫВЁТ

КАК ПО ШАРИКИ СТОИТ
РОМА ТУЧКА ДЕРЖИТ ФОТО
ПЛЫВЁТ МАЛЬЧИК ИЗ АЛЬБОМА
НА ПО НЕБУ ШАРИКИ

СТОИТ ТУЧКА КАК НА МАЛЬЧИК
ПЛЫВЁТ ФОТО НА РУКЕ ПО
ИЗ АЛЬБОМА ДЕРЖИТ МАЛЬЧИК
РОМА В НЕБУ ШАРИКИ

ПО АЛЬБОМА ПЛЫВЁТ НА РОМА
СТОИТ ШАРИКИ ИЗ МАЛЬЧИК
ДЕРЖИТ В ТУЧКА ФОТО КАК
МАЛЬЧИК НЕБУ ИЗ РУКЕ

Владимир Ром

Шарик мальчик тучка Рома,
Все на фото из альбома.
Саша перетасовал слова,
Вот и стих, вот это да!

Александр Твардовский

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне.

Полой водой и нежданно -
Самой простой, полевой
Травкою той безымянной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жены без нас постарели,
Дети без нас подросли?..

Владимир Ром

Родину помнил Твардовский,
Где-то вдали на войне.
Запах земли и отчизны,
Всё, что войной лишены.

Эпигр.
Из раскулаченной семьи,
Избрал свой "Путь к социализму".
Комиссаром служил в "Войне",
Которого прославил "Тёркин".

Александр Ткаченко

И даже когда я обнимаю любимую, она
шепчет —
“У тебя объятья — ну прямо железные...”
А я не хочу быть железным,
ибо знаю происхождение этой силы,
но поделать ничего не могу —
я сын своего отца,
а отец мой — сын своей эпохи,
эпохи железного занавеса.

Владимир Ром

Железным занавесом эпохи объят,
Железную хватку наследовал Саша.
Чтобы с любимой мог совладать,
Пыл предлагает ей железный.

Александр Уланов

Истекает знает город из нас
не отпустив исполнять присутствие не
попадая внутрь и (в) который час
обе руки правы(е) о пробитом дне
Время не провести (в)о вспененный перевод
знают тревоги пустые места
на любом боку лимона живёт
встреча здесь масляная тоска по там
Завтра какое ты означает я
тысячу полтора удержав над ржой
останови (в) слова распространив края
безрассветный в порядке почти чужой

Владимир Ром
В пробитом дне, в который час,
Истекает знает город из нас.
Обе руки попадая внутрь,
Не отпустив исполнять присутствие.

Масляная тоска везде живёт,
На любом боку лимона.
Время тревоги в пустых местах,
Вспененный провести перевод убогий.

Завтра полтора удержав над ржой,
Распространив края, останови слова.
Безрассветный порядок почти чужой,
Какое ты означает я.

На песке под Одессой
полоса между лодок
чистоплотней, чем хлопок
под вечерней одеждой.
Среди легкого пара
и тяжелого блеска
суэта бесполезна,
будто крем от загара
для оторванных с мясом
белых крыльев и перьев...
С ног на голову берег
перевернут отказом.
Влажный простор не вреден
менеджерам турфирмы,
что на открытом рейде
плещутся, как дельфины.
Благо, что берег возле
моря не испарился.
Грамотно сушат весла
гордые кипарисы.
Великолепным брасом:
череп — воронка — череп, —
плавает с контрабасом
контрабандист Печорин.
Перевернулась шлюпка.
Полная. Оверкилем.
Из-под волны Алупка
напоминает Киев.
Только чуть-чуть светлее
каждый цветок и вилла...
Дикая орхидея
руку мне откусила.

Владимир Ром

Чернуху гонит Александр
И про песок и про Одессу.
Что с ног на голову отказом,
Морской весь перевёрнут берег.
Благо, что берег возле моря,
Не испарился, не засорился.
И на открытом для отдыхающих рейде,
Плещутся брасом менеджер с контрабасом.
Под перевёрнутой шлюпкой оверкилем,
Прячется контрабандист Печёрин.
Напоминает Алупка Киев,
Дикая орхидея руку ему откусила.

Александр Шмидт

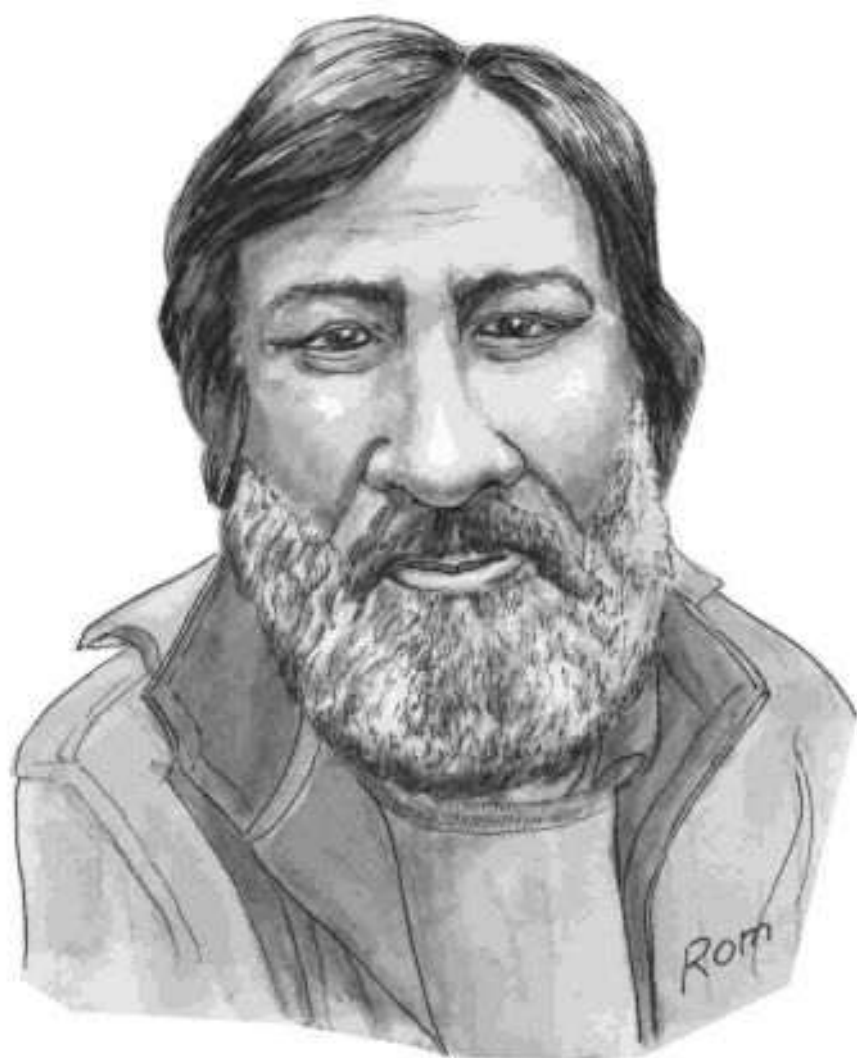
Кривится всё, когда царит Химера,
и прошлое, и логику поправ -
ведь слово говорило о размерах,
теперь, увы, описывает нрав...
Тут все не так, как в городах –
соседи дальше, но роднее.
Тут не медведь вселяет страх,
а тот, кто землю алчно бреет.
Аптек в помине не найти-
тут до сих пор трава врачует.
И путник, в прерванном пути,
в любой избе переночует.
Без суеты и лишних фраз,
накормят гостя и напоят.
И примут горестный рассказ,
куда страну загнали вои.
Тут холодно, когда зима...
Тут цену золоту не знают...
Но как поставить терема,
тут даже дети понимают

Владимир Ром

Как правильно вы всё сказали,
Что прошлое и логику поправ,
Сопоставляя город и деревню,
Вы точно описали нрав.

И про соседей, про медведя,
Кто алчно бреет блага всей земли,
Где путник ночь переночует,
Что от ненастья людей врачует.

Как принимают люди гостя,
Куда страну загнали ВОИ.
Какая золоту цена,
Как с детства строят терема.

Александр Щуплов

Лицейской лавочки чугунная соломка
водопроводное тепло не отдает.
И жизнь кончается неломко и небольно,
и неизвестно уж, о чем поет она.
И нож прошелся поперечно и продольно,
и нет войны, и нет вины, и нет вина...
И уходя в свое последнее молчанье,
в свою голодно-голубую немоту,
не оставляем даже эха для звучанья
той вечной флейты, что припаяна ко рту.

Владимир Ром

Сыграл прелюдию с названием “в ящик”,
На флейте той, припаянной ко рту.
Мелодия звучала небольно и неломко,
В его голодно-голубую немоту.
Лицейской лавочки чугунная соломка
Водопроводное тепло не отдаёт.
И не известно слушателям флейты,
Без эха для звучания о чём поёт.

Александра Петрова

Думаешь, прислонился наугад,
а оказалось — урочище.
Школа логики распущена до лыковых жгутов:
вот они плывут в воде, обхохочешься.
Пейзаж вдали неумолимо растёт навстречу,
входит в тебя плашмя.
Прости, если больше тебе не отвечу,
слов не осталось. Только деревья во мне шумят.

Владимир Ром

Если в тебе урочище и входит в тебя плашмя,
Всё не поймёшь, обхохочешься.
Видишь в глазах пейзаж.
Логика во мне распущена до лыковых жгутов,
Прости, если чувства упущены,
С последнею встречей с тобой.

Алексей Александров

Я так немного знаю о тебе,
Не скажешь же всерьез: “Сезам откройся”,
Чтобы души загадочные свойства
Явились как прелюдия к судьбе.
И на толпе заносчивых зевак
Не разорвать себя как биоробот,
Чтоб показать, что сердце чистой пробы,
Но без тебя не хочет биться в такт.

Владимир Ром

Ваши порывы так красивы, благородны,
Почти не зная ничего о ней.
Желаете открыть ей сердце,
Чтоб биться с нею в такт в своей судьбе.

Алексей Алёхин

я хотел бы посидеть за столом
за дощатым простым с деревенским вином
лепешками и остывшею рыбой
с Иисусом, Ван-Гогом и Алешей Карамазовым
даже не рядом а на табурете
у стены под гвоздем на котором этюдник
и запыхавшийся нимб
и послушать их разговор
вот тихо говорит Иисус
и Алеша в белой рубахе кивает
вскочил горячась и размахивая руками Винсент
а потом вдруг глянув в окно
замечает мужчину катящего тачку по дороге
залитой солнцем после дождя
груз прикрыт мокрой тряпкой и блестит
будто золота груды везут
он замолкает и вглядывается
и все трое смотрят туда
храня молчание
и улыбаясь

Владимир Ром

Вас легко понять во всех исканьях,
Посидеть с Ван-Гогом, Иисусом, Алексеем,
За столом дощатым с деревенским вином.
Но не увлекаться и не напиваться,
Чтобы стало Вам казаться чудо за окном.

Алексей Андреев

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфоре;
А проснешься утром, - солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит!

Владимир Ром

Так день за днем, лаская солнце,
В экстазе море любовь проявит.
Что вечно было, то вечно будит.
А силу солнца море измерит,
Коль льды полярные оно растопит.

Алексей Верницкий

За стеною дружная братва
Совершает нужные открытия,
Так что аспиранты их едва
Успевают ставить перекрытья —
Я в забое брошенном один,
Бедный пласт земли бессильно рою,
И ряды несбыточных картин
Возникают в памяти порою.

Владимир Ром

Ты не там наверно роешь Алексей,
Аспиранту надо лишь собраться.
Диссертацию из пальца рассосать,
Именитым руководством защищаться.

Алексей Денисов

кто много ждёт а говорит что он ни чё не ждёт
теперь имеет бледный вид и дембель самолёт
как так сказать душа болит как так сказать поёт
она летит как самолёт и крыльями блестит
а нам скажи моя лиса зачем нам небеса
нам только б шкурку убережь и тёплые сердца
а там потом чего не ждёшь чего полжизни ждёшь
лесная тишь родная глушь и тёплый воротник
мы пахнем шапкой и пальто мы живы как никто
и если что-то и болит то это мы болим
весёлый в небе самолёт сам о себе поёт
и мы следим его полёт пускай себе летит

Владимир Ром

Скажи лиса, зачем нам небеса,
И та фанера, что летает над Парижем.
Нужна нам тишь, родная глушь,
И первача бутылка для веселья.

Нам только шкуру убережь и теплые сердца,
И быть весёлыми до самого конца.
И, если что болит, то это мы болим,
Следим, как в этом самолёте мы летим.

Алексей Ивлев

мне снилось зеркало, в нём красные глаза
рассказывали о бессонной ночи,
о долгом дне, о мельтишеньи строчек,
калейдоскопе лиц, всех однозначных "за"
и очень многих многозначных "против"
и после – пробужденье, новый день, опять
сквозь сущее в зеркальном отражении
туманный взгляд в бессмысленном движении
тень необъятную пытается объять,
в которой сон из зазеркалья бродит

Владимир Ром

Туманный взгляд в бессмысленном движении,
Тень необъятную пытается объять.
В зазеркальном отражении собрание,
Судьбу твою шальную обсуждать.

В калейдоскопе лиц чужих и безразличных,
Одни лишь зеркала, в них красные глаза.
В решении наказать, все однозначно “за”,
В решении помиловать не многозначных “против”.

Всё прошлое как страшный сон,
В котором жизнь из зазеркалья бродит.
Стирается из памяти твоей,
В небытие что прожито уходит

Алексей Кольцов

..пусть меня людская злоба
Всего отрадного лишит
Пусть с колыбели и до гроба
Лишь злом и мучит, и страшит:
Пред ней душою не унижусь
В мечтах не разуверюсь я;
Могильной тенью в прах низринусь
Но скорби не отдам себя!...

Владимир Ром

Людская злоба не зазноба,
Она и мучит и страшит.
Но не поэзию Кольцова,
Он зло и скорбь всё сокрушит.

Эпигр.

Прожил всего 33 года,
Писал стихи 17 лет.
России славил он природу,
Был выдающийся поэт.

Алексей Кубрик

Фибровый из тридцатых
убрать с антресоли пустой.
Выглядеть мешковатым.
Ходить к себе на постой.
Росу, паутину, рассвет
фотографировать редко.
Выйти на чистое “нет”
с тоненьким “да” в пометках.
Вырезать трость из клёна
кривую, как зуб глазной.
Выглядеть удивлённым
даже тем, что живой.

Владимир Ром

Открой свой фибровый из тридцатых
И не говори, что пустой.
Умойся и будь приятным,
Уходя к себе на постой.
Фотографируй всё то, что редко,
В пометках “да”, чего “нет”.
Не выгляди мешковатым
И не удивляйся, тому что живой.

Алексей Порвин

Поднимаешь к солнцу ладонь
разглядеть, понять на просвет
вещество под кожей руки,
и назвать его, и назвать.
Но язык не помнит имен —
если слово есть, то — в глазах:
ну а им — удерживать свет,
собирать по капле тепло.
Так отец тебя поднимал
невесомо, словно ладонь:
он искал слова, чтоб назвать
розовевшее вещество.
Но язык не помнит имен —
если слово есть, то — в глазах:
но они — безмолвны от слез,
отвечавших дрожью на свет.

Владимир Ром

Помнит Алёша отца ладонь,
Что поднимала на свет.
Как искал слова, чтоб назвать
Розоватого вещества цвет.
Но папаня не помнил имён,
Если слово было, то в глазах,
Свет заливало слезой,
От счастья, что был с тобой.

Portrait of Rom. 1940

Алексей Прокопьев

...тепло в ватнике, выйдешь в темь:
где вы, лось, медведица, заяц?
немь, вонзаясь в гортань, горчит:
племя? пламя? — кричмя кричит...
Но летящего лечат лучами
в простынях пустынь,
поначалу остынь, от земли отстань,
ранним утром встань —
и иди по нивам лазоревым.

Владимир Ром
Ранним утром встань,
От земли отстань,
В простынях пустынь,
Поначалу остынь
И иди по нивам лазоревым.
Только ватник одень,
Когда выйдешь в темь.
Не кричи кричмя,
Ибо зайца, лося, медведя разбудишь..

Алексей Сальников

Стихи-поэта отражение,
Его души, его ума,
Читателю их – наслаждение,
Завистнику, как Колыма,
Они – лекарство от недуга,
Врагам поэта – нож, кинжал,
Правдивей уст любого друга,
Кто мысли прозой выражал...
Полёт стихов неповторимый,
Гораздо ближе Самому,
Поэт – Его и сын любимый,
Что служит Богу одному!

Владимир Ром
Вы всё красиво описали
И о поэте, о стихах, когда
Стихи поэта отражение,
Его души, его ума.
Но, не у всех поэтов то же.
Иным стихи источник благ,
Другим стремление к великой славе.
Стихи – пиар всем и всегда.
Убогому щит от насмешек и утех,
А глупому нектар ума
Господь стихами награждает,
Как дарованьем, но не всех.

Алексей Толстой

Бор сосновый в стране одинокий стоит;
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
«Приходи вечером в бор дремучий тайком,
На зеленом садись берегу ты моем!
Много лет я бегу, рассказать я могу,
Что случилось когда на моем берегу;
Из сокрытой страны я сюда прибежал,
Я чудесного много дорогой узнал!
Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда средь моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Что бывает порей здесь в тумане ночном!» —
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял, одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал.

Владимир Ром

Пробежала вся жизнь,
Как бежал ручеек.
Ты любил ту страну,
Где был так одинок.
Ты поведал о том,
Как шептал в тишину,
Всё о жизни о людях тебе он изрёк.
Эпигр.
Поэт Российский, писатель, драматург.
Член-корреспондент Петербургской Академии,
Создатель сатирических стихотворений,
И образа “Козьмы Пруткова”, его изобретений.

Алексей Хвостенко

жуки ползут на тонких лапках
ведьмы трогают цветы,
и вселенной дикий запах
превозносит имя-ты.

кречет ищет место вроде
хоровода с преступлением
церемоний с наказанием,
хорь его послушный воле,
ходит по полю в камзоле,
собирая показанья.

Владимир Ром

Собирая показанья,
Кречет ищет место в поле.
Где его послушной воле
Хорь в разорванном камзоле.

В хороводе с преступлением
Ведьма трогает цветы.
В церемониях с наказанием
Произносит имя – ты.

Алексей Шепелёв

Я долго в жизни искал свой путь,
Смотрел на рамки и обличья,
Но знал, меня не смогут повернуть
Ни принципы и ни приличья

Владимир Ром

Ваш путь понятен,
Коротко сказали.
“Ни принципы и ни приличья”
С пути вас не свернут.

Алина Витухновская

Они целуют губы в губы
Их лица-гусеницы грубы
Уроды лиц и дыр утроб
Они тянуться будут чтоб...

Владимир Ром

Наверно Вы большой психолог,
Увидеть чувства двух зазноб,
Уродов лиц и дыр утроб,
Губами в губы целовались чтоб.

Алла Горбунова

Тело гниёт в земле, превращается в золото ртуть,
внутренности мои великаны варят в котле,
смотрит из чаши на тебя моя левая грудь,
смотрит из-под корней на тебя моя правая грудь:
так и лежала б с тобою тёпленьким,
когда б не была в земле.

Владимир Ром

Скелет ваш золото,
Всё остальное ртуть.
Вместе с стихами варят великаны.
Остались в чаше ваша левая грудь,
И под корневищами правая с чертями.
Когда б ты не была в земле,
Всегда б его везде подогревала.

Альбина Синёва

Сквозь тебя смотрели – а ты им в ответ кивал,
взятый в плен ресницами, веками, берегами, -
как в дверном глазке качается океан,
шар земной изнутри, аквариум вверх ногами.

Полушарие линзы, вывернутый зрачок,
слепота медузы, ветра тугие жабры,
поцелуй, все глубже, леска, тупой крючок.
Пусть столетие целое ты лежал бы

в темноте, за влажной и теплой еще щекой
полусонной, тебя не родившей рыбы,
благодарный, блаженный и никакой.
Все планеты, все елочные шары бы

отражались в изгибе высохшего стекла,
отдавались, вращались и возникали,
как друг с другом танцующие тела,
по горячей радужке бьющие плавниками.

Владимир Ром

Шар земной в дверном глазочке
Аквариум вверх ногами.
Взятый в плен ресницами,
Ты качаешься как в океане.

Полушарий линзы, слепоты медуз,
Ты лежал сто лет бы, как ношенный картуз.
Ветра тугие жабры, вывернутый зрачок,
На груди нарядный золотой значок

Благородный, блаженный с тёплой еще щекой,
В темноте полусонный и совсем никакой.
Не родившей тебя рыбы в среде морской,
Ёлочными шариками космической дугой.

Ты как пузырь в избе высохшего стекла,
Возникая вращаясь и отражаясь,
Бьёшь плавниками сырыми,
Танцующие друг с другом тела.

Анастасия Афанасьева

Человек одинок, одинок навсегда,
Как в тёмном небе звезда.
Хоть их рассыпана бесконечность ковра,
Каждая холодна, посылая свой свет в никуда.

Он не дарит тепла, не осветит пути.
Этот блеск – одна красота.
Он сияет и манит, но за ним идти
Всё равно, что идти в никуда.

Но безумцы бросают вызов судьбе.
И бродя в темноте, обо всём забывают.
И как быть не могут сказать себе,
Когда звёзды их падают и быстро сгораю

Владимир Ром

Не можешь сказать, как быть в темноте,
И куда идти, ничего не знаешь.
Но, Ты пишешь стихи и понимаешь,
Бесконечность ковра для людей застилаешь.

Анастасия Векшина

Поедем в осенний лес все равно куда
пригородные коровы придут встречать электричку
черно-белые кадр за кадром
поедем
игровые автоматы и старый Азнавурян
в баре на станции Сходня
дают совместный концерт

Владимир Ром

Коровы и игровые автоматы,
Источники поэтических тем.
Всё это в баре на станции Сходня,
Что-то поют, не могу совсем.

Анастасия Зеленова

Я руками ломаю стекла,
Подражая известной песне.
Я не плачу, рыдаю только,
Исходя горделивой спесью.
Я на сердце задвину засовы,
На двери – замки навесные.
На тебя я смотрю с тоскою:
Мы не справились, мы пустые.
Я, отправив приветы в небо,
Отпустила тебя на волю.
Ты как будто и рядом не был.
Я как будто была с тобою.
Собираю себя как пазл
Из разбросанных зря кусков.
Только видно становится сразу,
Что рисунок еще не готов.

Владимир Ром
Ты рисуешь себя как пазл,
Из разбросанных зря кусков,
Чтоб как память оставить
Встречу любви с тоской.
Видно того он не стоит,
Чтоб стекла руками ломать.
И в памяти жизни твоею
О нём никогда не вспоминать.
Ты не справилась, ты не пустая.
Сердце нельзя закрывать.
Будут в жизни вёсны цветные,
Будут встречи земные,
В которых ты будешь мечтать

Анастасия Романова

Давно успехом ты крещен,
Сквозь пальцы смотришь на беду
Ты в веру счастья обращен,
Купаясь в радости порту.
Ты феей застрахован был
От неудач и потрясений
И на волне желаний плыл
Спеша в мечту без промедлений.
Один лишь раз судьба меня
Закинула к тебе на пир
И ни крошинки не тая
Я все отдам тебе- КУМИР

Владимир Ром

Кумир, кумир, где этот мир,
В котором собраны герои.
В мечтах рисованных, желанных,
Доступных и обетованных.

Анатолий Жигалов

уснуть
узреть
и озарить
прощальным письмам
золотых деревьев
готовых умереть
дарить конверты собственных ладоней
и петь
прошедшее безверье
наветы подступающей зимы
свечной нагар ночных агоний
сдать внаймы
двойным двуличным рамам
оставленных жилищ
и нем и нищ
брести
неся запрятанное "мы"
к переплетеньям рук и корневищ
за солнцем — к распускающимся храмам

Владимир Ром

Когда распускающиеся храмы
В наветах подступающей зимы,
Переплетённых рук и корневищ,
Бродили в безверии "мы".
Немые и нищие сдали в наймы
Двойным двуличным рамам,
Ночных агоний свечной нагар,
Оставленных жилищ.
В сумерках подступающей зари,
В наветах нашего безверья,
Пропеть узреть уснуть и озарить
Прощальным письмам золотых деревьев.

Анатолий Кобенков

Хорошо - упрятать себя в пальто
и бродить по Москве, чтобы все на свете
полагали: бредет по Москве пальто,
а под ним - шнурки, а над ним - беретик

Хорошо б - натянуть для него мосток,
нацедить речонки ему в дорожку,
хорошо б - сыскать для него гвоздок,
а гвоздку хорошо бы сыскать прихожку.

Чтоб на том гвоздке да в прихожке той
задышало оно,ль чтобы в горле комом
- поперек моей жизни - его покой
обернулся трубкой,ль очнулся домом.

Владимир Ром

Я хочу, чтоб желанья твои
Непременно дошли до Бога.
Чтобы в горле комком, через жизнь поперёк,
Трубкой покой от порога.

А тому хорошо бы в прихожку,
Через речку мосток
И сыскать бы гвоздок,
Да под мостик речонку в дорожку.

А тебе б хорошо приодеться в пальто
И бродить по Москве манекеном.
Со шнурком на ноге,
С головою в берет с Арлекином.

Владимир Романов

В «Тридцать пятый и другие годы»,
«Дети Арбата» себе на «Страх»,
«Последнее лето детства» в то «Лето в Сосняках»,
«Тяжелый песок» носили,
Чтоб «Кортик» в него закопать,
Так его «Прах и пепел» не смогли нигде отыскать.

Анатолий Рыбаков

Анджей Иконников-Галицкий

Так я ехал и город уже нацеливался иглою.
Расступались Вишерой пустые вокзалы.
Как птенец из гнезда вываливался мой голос.
«Отпустите вы нас», — шлагбаумы голосовали.
Я вернулся на родину — туда, куда умирают,
где замёрзла на берегу волна в миноре,
где по горло в белый простор меня запеленали
и пришли три женщины и сидят надо мною.
Не хочу я сюда, это похуже смерти:
вспомнить тебя, Единственную, ласточкой на Мисхоре.
А моей тоски никто не измерит:
кто поднимет тысячетонное дно морское!
Мне забыть обо всём, выспаться на твоей бы.
Прилегли поезда в плечи платформ. В Каноссе.
Я приехал на родину и открываются двери.
Посмотри: электричка от счастья меня уносит.

Владимир Ром
Ты приехал на Родину всё забыть,
А тебя словами поносит.
То, что было в Канзасе, было одно,
То, что было в Мисхоре другое.

Не уйдёшь ты во сне,
От себя никогда под открытые шлагбаумы вокзалов.
Не спасут поезда никого никогда,
Электричка от счастья не носит.

Ты вернулся на Родину, ту колыбель,
Что вскормила вспоила и вырастила,
Так возьми за перо и пиши стихи,
А тоску твою творчество скосит.

Андрей Белый

Я засыпал... (Стремительные мысли
Какими-то спиралями неслись:
Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию неявленная высь) —

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла — сверлящие спирали —
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных чисел,
В бунтующей, мыслительной стихии —
Не я, не я — благие иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.

Звезда... Она — в неперменном блеске...
Но бежит летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

Владимир Ром
Неявленная мысль вошла в сознание,
Благие иерархии запечатлели смысл.
Дух точных чисел мыслительной стихии,
Рисует арабески в неперменном блеске.

Эпигр.

Родился в Москве с фамилией Борис Бугаев,
Русский писатель, поэт, критик, стиховед.
Сторонник буддизма, оккультизма,
Ведущий деятель русского символизма.

Андрей Воркунов

на крышах хорошо
растить деревья
на крышах хорошо
разводить кур
а то и просто сидеть
с вытянутыми на коленках трениками
особенно если это выпало
чужаку
на крыше приятно
помечтать о женщинах -
ну просто ж – деревья куры -
обстановка располагающая
на крыше спокойно
даже когда внизу жизнь дала трещину
на крыше хорошо -
да – хорошо.. пока ещё

Владимир Ром

Если у Вас не поехала крыша,
Не надо лазить с Андреем выше,
Где всё хорошо не ему одному,
А курам, растениям и треникам тоже.

Андрей Гришаев

Тетя мне сказала: бога нет.
И ушла варить себе обед.
Нет так нет — зачем-то встал на стул
И на стуле стоя так уснул.
Птицы щебетали за окном
Щебетал и содрогался дом.
Дядя разобрал велосипед:
Дядя есть, велосипеда — нет.
Кошка притаилась и глядит:
Стул горит и патефон горит
Дом горит и за окном горит
Тетя дяде что-то говорит

Владимир Ром

Тетя дяде говорит, что Бога нет
И ушла варить ему обед.
Кошка опрокинула весь дом.
Дом дрожит, в котором всё вверх дном.
Стол и стул горят и даже патефон.
Дядя разобрал велосипед,
Чтобы раму скушать на обед.
Птицы щебетали за окном,
Пока до нитки не сгорел тот дом.
Долго стоя спал Андрей,
На том стуле, где горел тот дом.
И тогда приснился ему сон,
Зарифмованный с велосипедом дом.

Андрей Дмитриев

Опять зарезали кого-то,
И безутешная вдова,
Оставив на два дня работу,
Похоронить едва-едва
Успеет, если самолетом...
Но, впрочем, горе - не беда,
Здесь не в диковинку убийства -
"Криминогенная среда"
На юридическом витийстве,
И вряд ли дело до суда
Дойдет - несчастный вышел случай:
Был пьян, упал, попал на нож...
А, может, так оно и лучше -
Мужик не больно был хорош.

Владимир Ром

Увы, такая вот картина,
Россия матушка она,
"Криминогенная среда".
Всё получилось, что желали,
Когда все хором проголосовали,
Что ни к чему СССР.
Свободу всем, во всём и на совсем.

Андрей Монастырский

Не дрожи так, речка
мы тебя обойдем
в полосатых мундирах
со сталью в руках
задевая затопленный город
родными плечами.

Владимир Ром

Так насилие память затмило,
Что захотелось писать.
Как в мундирах со сталью в руках,
Вы наводите мрак в городах.

Андрей Пермяков

- А с этими чего бывает?
- Обыкновенно умирают.
Ну, в смысле, так обыкновенно,
как на стекло садится пена,
как пёс садится на песок,
как ты умрёшь, как я не смог.

- Зачем тогда живут? - Не знаю.
В боязни сна, в надежде рая
есть что-то, тёплое; такое,
что нам, спокойным, не понять.
Давай. Не думай. Дай обнять.
Пока. До вечного покоя.

Владимир Ром

Если, зачем живут не знаешь,
То не узнаешь никогда.
Зато отлично понимаешь:
Как на стекло ложится пена,
Как пёс садится на песок.
И почему тебе хотелось,
Да, вот так вышло, что не смог.

Андрей Поляков

Луговые цветы завтра выбросят в печь,
Но Господь не скупится для них на одежды.
А тебя извели о достатке надежды
И о хлебе насущном высокая речь.
И на воронов взглянешь - не сеют, не жнут
И на чёрные дни не имеют хранилищ,
И Господь их питает.
А ты не осилишь
Жребий птицы - крылатый обыденный труд.

Владимир Ром

Никогда и никто не бросал еще в печь
Луговые цветы с недостатка надежды.
И никто не желал еще близким поесть
Падаль, хотя и от Бога.
Луговые цветы лучше близким дарить
В праздник и серые будни,
Лебединый лишь жребий от птицы желать
Близким и дальним знакомым.

Андрей Родионов

Это страшное место – планета Ройтан
Здесь одни кабаки и бордели!
Здесь в кругу безобразных инопланетян
Я полжизни истратил без цели.
Где ответ на вопрос, почему я такой?
Я не знаю такого ответа.
Я опять просыпаюсь в кровати чужой -
В лапах монстра с далекой планеты
Я хотел стать разведчиком новых миров,
Чтобы мною гордились земляне.
Но, физически креп, да душой нездоров,
Я застрял на проклятом Ройтане.
Нет забот у меня, лишь бы денег достать,
Чтоб потратить их в грязных притонах...
Лишь когда у меня перестанет стоять
Из десанта повестка догонит.

Владимир Ром

На вопрос, почему ты такой,
Сам в стихах начертал о Ройтане.
Чем гоним ты в бардак, на чужую кровать,
В наслажденья не скромных желаний.

Андрей Санников

Такие приступы тоски, такие...
До перехода две версты. Россия.

я вышел — только неживой
с одной но слева — ножевой

как небо это высоко
как это небо далеко

как (неразб.) судьба
хохочет с каждого столба

просись просись в мертвецкий рай
...проснись проснись не умирай

Владимир Ром

Не хорошо о смерти думать,
Тем более о ней писать.
Закон природы неизбежен,
Нам всем придется умирать.
Не доводи тоску мирскую
До перехода в две версты.
Не жди кончину ножевую,
Взбодрись, проснись пиши стихи.

Андрей Сен-Сеньков

очкарики
существа что каждое утро
надевают на глаза
плоские
пузырьки минеральной воды
стёклышки-шалопаи

Владимир Ром

Стеклышки шалопаи, пузырьки минеральной воды,
Вовсе они не плоские, но многим без них никуда.
Обычные люди их носят, и вовсе не существа.
То, что зовёшь их очкариками, только твоя беда

Андрей Сергеев

Ахматовой

Волос Музы российской вурон,
Платье ветхо, да взгляд орлин...
Вот сама с собой разговором
Занятая, из прежних руин
Выбирается с грузом печали
Прямо в праздничные времена,
И действительностью за плечами
Лишь телесно обременена.
Чту друзей и врагов опека,
Раз наградой за верный стих
Поданная старушкой копейка,
Легшая за святое святых.

Владимир Ром

Ваши стихи не строчки,
А вечные цветы,
Которые как почестъ
Вы Анне преподнесли.

Андрей Сидоркин

.Я там стоял, где не было меня,
откуда я давным-давно ушёл.
Я был дождём и веткой, серебром
летающих на аллею снежных хлопьев.
Я слышал удлинённый гул снежинок
и как они лебяжесть набирали
на мышцах Зевса. Алый Леды рот
уже теперь был ярче, чем пожар.
Я слышал ангельский глагол звезды,
отторженный от празднества — участья
в Гармонии, и был он ропотлив.
Вздыхались моря звонкие сапфиры,
являя пестрых глаз и хвост русалки,
и в медитацию рос лес ливанский.
Я там стоял.

Владимир Ром

Ты там стоял давным-давно,
И падал на землю твёрдою водицей.
Как будто сон в твоих глазах,
Болтался синий хвост русалки.
Вздыхались моря синие сапфиры,
И Леда с Зевсом делали любовь.
Но, разбудил от сна гармоний
Ангельской звезды непрошенный глагол.

Андрей Тавров

Она ушла, но в повороте головы
остались, испугавшись продолженья,
часы на столике, объятья, парикмахер
и слово: не люблю.

Вот так через заснеженный
идёт —
бамбуковый качающийся мост —
монах буддийский: под зонтом

и снегом.
Внизу бежит поток.

Владимир Ром

В стихотворении так надо понимать,
Она ушла к буддийскому монаху.
Её шаги качали из бамбука мост,
Где ждал её под зонтиком избранник.

А Вам остались лишь воспоминанья,
На столике часы, объятья, парикмахер.
И в повороте головы
Испуганное слово: не люблю.

Андрей Черкасов

голубой пот и резиновые чулки
две губы:
одна которая кот
другая которая кукла
серая и живая
изнанка кафеля
под рукой

Владимир Ром

Андрей так лихо слагает строчки,
Из того, что всегда под рукой.
Кукла ли то, кафель и кот,
Чулок из резины иль губы.
Но, когда строчки читаешь,
Пот голубой ощущаешь.

Андрей Щетников

я выпадаю из людей
в прозрачность воздуха и смысла
в премудрость допотопных чисел
и безымянных площадей
быть может время это дом
для тех кому темно с другими
но снег кружится за окном
и мы увидимся живыми

Владимир Ром

Нет смысла выпадать Вам из людей
На площадь допотопных чисел.
Кружится за окном метель
В прозрачном воздухе струится.
А время это общий дом
Для тех, кому темно с другими.
И хоть не видно ничего,
Мы все ж увидимся живыми.

Анжела Луженкова

Было много роялей, – одна музыка,
среди множеств решений, одно – верное,
мы доверили струны колкам-узникам,
чтоб Свободной рукой, взять аккорд «верую»

На одном перекрёстке, к себе, к Богу ли...
На углу прикрепили – «Твоя Родина»,
но, табличку потом с молотка про`дали...
Мне безгрешный орал вслед – ату, вот она...

Я люблю тебя, камень, в меня брошенный,
и теперь не плетусь, а бегу в гору я,
пожимают плечами во след, лошади,
хоть и жаль мне меня, но молчу, гордая.

Среди множеств решений, найди лёгкое,
Одиноким роялем, неси музыку,
и не бойся, что пули свистят около,
и не слушай, как лают в кустах тузики.

Владимир Ром

Я сродни роялю или тузику,
И несу к тебе лай или музыку.
Не люблю я камень, в тебя брошенный
А люблю я лишь плечи лошади.
Было много роялей,
Но, не те что во мне,
На колках моих струны тонкие,
А аккордов души очень звонкие.
Их несу я к тебе, или к Богу ли,
К той среде, что «Твоя Родина»,
Не беда, что табличка продана,
И заткнется безгрешный – ату, вот она.
И не бойся ты пули житейской,
Коль мелодия твоя найдена,
Проиграй её по свойски,
Чтоб любила твоя Родина.

Анна Альчук

крепость каменных швов
эхо бази
лик
Мадонны из ниши
Ницше
бродил здесь
Турин ли Воль
терра
инкогнито?
кобальта
сверху поток
а навстречу —
сиены
сны ли?
холМЫ и туман
вижу со стен крепостных
а когда-то
да!
видела
город вдали
кисти Давинчи
и
та
ИТАЛИЯвь!

Владимир Ром

Здесь всё понятно и без слов,
На что бы Анна не глядела,
На кисти, камни, башни, краски,
В уме одни лишь ИТАЛИЯшки!

Анна Ахматова

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная ступень.

Владимир Ром

Она прошла сквозь жизнь, где ничего не надо,
И в спутниках была лишь только тень.
Увидеть яркий свет желала,
А под ногой могильная ступень.

Эпигр.

Одна из известнейших русских поэтесс.
Жила трагической судьбой.
Жена расстрелянного Гумилева,
«Враги народа» с вывеской такой.

Её убили за стихи,
Прекрасные, как сама природа.
Нам оправдания не найти,
За эти тяжкие грехи.

Анна Глазова

Вот он, отпечаток
моего тела на постели, господи.
Вот она, боже мой,
сквозняком приподнятая душа.
Не приведи же господь бог ты мой
чем-нибудь бестелесную
сущность твою ощутить.

Владимир Ром
Душа с душой в духовном и физическом
Являют целое с названием любовь.
Без близости духовной, лишь физической,
То отпечатки грязные в кровати потом.

Анна Логвинова

Сегодня пьем мы за любовь,
А завтра - за разлуку.
Сегодня мы еще живем,
А завтра - нас не будет.

Сегодня - это сладкий дар,
А завтра - эликсир надежды.
Сегодня смыслом жизни наполняет нас,
А завтра - мы поймем, что мир не вечный...

Владимир Ром

Что мир не вечный, Вы не правы.
Мир вечный, но не вечны мы.
Любовь – то дар от Господа Бога,
Им награждают, когда люди цветы.
Цветут, чтобы в обществе было,
Воспроизводство людей на земле.
Смысл любви только лишь в том,
Что и сегодня мы все же живём.

Антон Козлов

Как часто думаю о тебе, о том
какой был день, как ночь наступила потом.
О том, что случилось и что могло бы случиться.
В предрассветном тумане по лесу бежала волчица.
Кричала кукушка, и ворон махал крылом.
Туча висела над железнодорожным узлом.
Дул ветер, кружилась пыль на шоссе.
Звезды блекли у горизонта, на голубой полосе.
Было темно и пусто, но больше было темно.
В этот час все запретное стало разрешено.
На столе в бутылки стояло всю ночь молоко.
И люди в доме спали так глубоко.

Владимир Ром

В стихах не понять, что могло бы случиться,
Или тогда же наверно случилось,
Когда люди в доме глубоко спали,
На столе всю ночь молоко стояло.
Часто думал Антон о тебе,
О том дне и о ночи потом,
Где спали люди с столом, с молоком.
Как ворон с кукушкой шумели в лесу,
Дул ветер, кружилась пыль на шоссе.
Но, туча не двигалась над железнодорожным узлом.
Чего было больше, темно или пусто,
Волчица в лесу не могла разобрать.
Но, знала упорно в тот час предрассветный.
Что всё ей запретное дано разрешать.

Антон Колобянин

Не верь кометам,
плащам, поэтам,
дождю - чей лепет
всегда об этом.

Не верь деревьям -
пойдут на терем.
Оставь свой опыт
гусиным перьям.

Не верь, что часть Я -
целого. Счастья.
Голубенькой змейке
её запястья -

не верь ! Поверишь -
пойдёшь, как дервиш.
От этого мира
останется дверь лишь.

Владимир Ром

Ваши стихи – дождевой водопад,
О плащах, кометах, деревьях и поэтах.
Много воды, как в дождливое лето,
Трудно поверить во что-либо это.

Можно поверить и в Ваше счастье,
С голубенькой змейкой на его запястье.
Вышло оно из иного мира,
Дверь за собой закрыть-то забыло.

Антон Очиров

ни будущего, ни прошлого.
ты можешь: ощущать себя брошенным –
(мама, роди нас обратно – а то мы здесь как в чулане), -
находить утешение в христианстве, буддизме, исламе,
зарубаться деньгами, -
нет ничего такого, на чём можно стоять ногами.
искусство как утка, вынутая из-под больного –
пока это есть в наличии, мы не достойны иного.
я не знаю, зачем киты выбрасываются на берег,
я не знаю, зачем существуют птицы и звери,
я не знаю, что говорят деревья, вода и травы, -
я вспомнил однажды, кто нас сюда переправил, -
посмотри: у каждого камня, закинутого в огород,
на боку отпечатки пальцев, похожие на тавро.

Владимир Ром

В религию можно верить в чулане,
Лишь бы на чем-то стоять ногами.
Воспринимать искусство как в утке больного,
Жаль, не дано Вам от Бога другого.

То, что творят киты в океане,
Птицы на небе, звери в лесу,
Всё изучать Вам наверное надо.
И о деревьях, воде, траве – наяву.

Камни в чужой огород не надо бросать,
Мама не будет обратно рожать.
Помните, как Вы в поэты попали,
Не зарабатывайте большими деньгами.

Антонина Семенец

Куда смотрит зеркало?
Я его бью за то, что,
Когда приближаюсь,
Не только я отражаюсь,
А еще какие-то шкафы,
Полки, книги.
Нравне со мной, значит.

Владимир Ром

Хочу, чтоб зеркало всегда
Меня одну в нем отражало
И никогда и ничего
Ко мне оно не приближало

Анфиса Головачёва

Всё давно сказано, и спорить нечего.
Только грустить долгим сумрачным вечером,
И вспоминать, вспоминать о былом...
Сегодня об этом, завтра о том...

Только и радости - кончились праздники,
Так надоели! как чёрствые пряники.
Скучно же - тупо сидеть за столом,
И все дела на потом, на потом...

Потом... рассуждать... и валяться в постели...
И жить... безалаберно, пошло, без цели...
Всё это было и будет потом...
Ну что же со мною? — я не о том.

Владимир Ром

Жизнь колесом пролетела сквозь радости.
Куда ни посмотришь - сплошные гадости.
Помни лишь радости - их умножай,
И позабудь про гадости - не вспоминай.

Аркадий Пахомов

Нет, всё нормально, слышишь!?
Просто иногда едет крыша...
С головой не дружу – это очевидно,
Больно и до злости обидно...
Обычный пацан, голубые глаза,
Смотрит вдаль, идёт до конца...
Дорога полна одинокой тоски,
Ладно, забей...просто прости...

Владимир Ром

Пиши, когда крыша не едет
И злости нет в голове.
Душа от тоски не болит,
Голубые глаза протри.
Дорога твоя большая,
Сумей до конца пройти.
И всё, что придется увидеть
В стихах золотых опиши.

Аркадий Ровнер

я долго жил себя не слыша
был сад
и ветер дул едва колыша
паруса
моя зима полна цветными
мой день безветренно высок
снами и знаками лесными
песок
очерченные умираньем
мне снятся черные
вспоминаньем
печаль строга
снега

Владимир Ром

Связать снега, песок и паруса,
В стихах не легкая задача.
Но, как Вы видите удача,
Пришла Аркадию,
Как от похмелья отдача.

Аркадий Штыпель

У мироздания продувка-протяжка, скрипы, зевки,
медная пряжка, в полоску тельняшка, глаз огоньки.
У мироздания одышка, отрыжка, неровная стриж-
ка,
красная ряшка, коньячная фляжка, пенсионная книж-
ка!
У мироздания железных очков позеленевшая дуж-
ка,
а по карманам табачная мелкая крош-
ка!
У мироздания
склеротическая бляш-
ка,
сырая подмыш-
ка,
в спину дышит кондраш-
ка!
У мироздания высокие стропила,
все ночи, полные огня –
хва-
тается за лёгкие перила
... и плачет, уходя.

Владимир Ром

У мироздания вечность, бесконечность.
Движенья по орбитам вверх и вниз.
Рождаются и умирают люди,
Из поколенья в поколение передавая жизнь.
Лишь у тебя отрыжка, неровная стрижка,
Красная ряшка, коньячная фляжка, пенсионная книжка.
Склеротическая бляшка, сырая подмышка.
Думаешь наверно не далека твоя крышка.

Арсен Мирзаев

При взгляде на твое
сердитое лицо
плотники деревенеют
каменщики каменеют
кузнецы цепенеют
и только я
бригадир плотников и
кузнецов
Д. П. Иванов
улыбаюсь ТЕБЕ
последней
улетной улыбкой
завтра в бригаде
большой праздник —
мои похороны

Владимир Ром

Сумел среди людей Мирзаев
Лицо такое откопать,
Что каменщики каменеют,
А кузнецы в цепях стоят.
И самому ему с улыбкой,
Улётной надо умирать,
Чтоб на лицо его любимой,
Никогда больше не взирать.

Арсений Тарковский

Цветет и вырастает в эфир
Звезды семигранный кристалл,
Чтоб я этот призрачный мир
В подъятых руках осязал.

На пальцах летучий налет —
Пространства святая вода,
И острою льдинкой растет
На длинной ладони звезда.

Но мерно колышет эфир
Созвездия тающих тел,
Чтоб я этот призрачный мир
В руках удержать не сумел.

Владимир Ром

Он в жизни звезду осязал,
То Бог ему щедро послал,
Звезду его яркой судьбы,
С которой знакомы все мы.

Эпигр.

Поэт, переводчик, сторонник классического стиля,
Представил для потомков не только стихи.
Выдающегося сына, кинорежиссера,
Таково наследие этой семьи.

Артур Пунте

Пусть спелые каштаны
падают и остаются целы.

И в доме с шелестом
вода по трубам
несет песчинки.

На фотографиях
такой высокий лоб,
а борода над ним -
как будто

лицо перевернули.

На большом шоссе
все быстро ехали,
он шел.

И камень угодил
из-под колес в лицо

Владимир Ром

Он шел на большом шоссе,
Но камень из-под колёс в лицо.

И стал его портрет,
Ну не лицо, а яйцо.

Не волосы, а спелые каштаны,
Не нос, с песчинками водопровод.

Высокий плоский лоб

И борода под ним.

Не фотография, а новый гражданин.

Ася Шнейдерман

Зачем мне земля обетованная? —

Ты ее не обрел.

Эдем зачем? —

Ты изгнан.

Нужен мне разве дом? —

В нем не живем вдвоем.

Сад — это там, где ты,

Летний ли, Гефсиманский.

Дом — это там, где ты,

спичечный, карточный, Чайный —
домик хотя бы.

Дом — это ты.

И если я не за его стеной

(твоей спиной) —

значит

разрушен и мой Второй Храм,

и я

перед Стеной Плача.

Владимир Ром

Хочешь Ты дом и садик,

Где были бы он и ты.

Каменный или шалашик,

Где счастлива были бы Вы.

Но где отыскать такого,

Проблема у всех одна.

Проси это всё у Бога,

У Плача стены сама.

Афанасий Фет

Свежеет ветер, меркнет ночь.
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит -
То прянет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: "Вот я вас!"

Владимир Ром
Вся жизнь как буря бурлит,
То нагрянет, загремит,
То отхлынет прочь уйдёт.
Лишь останутся следы,
На листках, что пишешь ты.

Эпигр.

Русский поэт – лирик, переводчик, мемуарист,
Член-корреспондент Петербургской Академии.
Любовь и природа – светлое царство мечты,
Основное направление его творческого пути.

Басовский Наум

В далёкое прошлое мысленный сделай бросок —
увидишь, что время там властвует необратимо:
базальт и гранит превращаются просто в песок,
и роща секвой испаряется пятнами дыма.

Владимир Ром

Базальт и гранит превращаются просто в песок,
Барханы пустыни, где чья-то столица была.
Лишь Ваши стихи не постигнет беда,
Как слитки золотые, они навека.

Березовчук Лариса

но все равно больно. Не надо,
не надо этого знать!
Хоть для каждого уже построены последние стены,
уже отсчитан восход, которым не дано согреться,
и наливают горечью
с цикутой несравнимый — неиспитый —
глоток. А те, кто смотрят еще, —
получают диплом
в школе вечно юных и новых харонов.
Как их вокруг много... — их — всего лишь туристов:
сдают бесконечно экзамен
по знанию топографии
для всех одного маршрута.

Владимир Романов

В жизни все у Вас зарифмовано,
Восход, стены, глоток и диплом.
Все по полочкам в стихах разложено,
На будущее, сейчас и потом.

Борис Головин

Ты летишь без крыла над пустыней
двадцать первого века.
Исковерканы сны и святыни.
Смазан лик человека.

Там, в пространстве, что бредит и пляшет,
тёмен свет обнажённый.
Там другое крыло твоё машет,
отражаясь в иконе.

Землю, впавшую в полночь и полдень,
там кромсают на части.
Ты летишь, видя страх сей господень,
к невозможному счастью -

без крыла, без крыла, ускользя
от судьбы предрешённой.
Ты замёрзла, ты плачешь, нагая,
над пустынею темной...

Владимир Ром

Все летим мы в безмерном пространстве
Над пустыней каменных джунглей.
В кандалах социальных условий,
Трудовой судьбы предрешений.
Правит доллар в земном пространстве,
От зари до зари все в труде.
Владеют нами лишь те избранники,
У которых миллиарды в мошне.

Борис Гринберг

Иуда спал. Остался позади
Тяжелый день. Тяжелый день. Тяжелый.
Забытая свеча слезилась желтым,
Крестом лежали руки на груди.
Вчерашний страх, и завтрашняя боль,
И вечные проклятье и презрение,
Все далеко. Сегодня лишь покой
И свет ветхозаветного ученья.

Народ, прошедший воды и огонь,
Достоин жизни тихой и счастливой...
Иуда спал, и сон его хранила
Еще не пригвожденная ладонь.

Владимир Ром

Мир так устроен, что никуда не деться,
Иуды и сейчас еще живут.
И за гроши и за большие деньги
Своих друзей и близких продают.

У всех у них соблазн – то деньги,
Родную мать и Бога продадут.
Искоренить их просто невозможно,
Они как тараканы всюду приползут.

Владимир Романов

Борис Камянов

Борис Камянов – он же Борух Авни.

Поэт, переводчик и публицист.

Любит, когда его награждают,

Для этого выпустил множество книг.

Владимир Романов

Борис Колымагин
Внутри меня всего немало
и утро бьется как попало
и не хватает ерунды
живой воды

и перечеркнутый на слове
всегда во всем и наготове
уйти неведомо куда
и навсегда

я остаюсь в своей берлоге
я у экрана при дороге
в пустыне вечных новостей
но нет вестей

Владимир Ром
Как хорошо, что Вас не мало,
Хотя и без живой воды.
И то прекрасно, что наготове
Вы можете уйти неведомо куда и навсегда.
Но, к сожалению, в своей берлоге
И у экрана при дороге,
Толчётесь Вы у новостей
И не доступных Вам вестей.

Борис Констриктор

ментальность
облака
балет
все
потому что
Бог
поэт
живи в творящемся стихе
кайфуй вися на волоске
о-о-о-й-е!

Владимир Ром

Творишь стихи и все кайфуешь,
Вися на тонком волоске.
Паря в балете, в облаках,
Ментальность липнет на губах.

Борис Кочейшвили

мещанский
интерьер
революционеров
кроме
Ленина
у Ленина
мавзолее
кубический
а интерьер
аскетический

Владимир Ром

В кубическом Мавзолее,
В аскетическом интерьере
Основатель Социализма нашел свой покой.
Вождь революционеров,
Опровергнутый практикой жизни.
Но, как реликвия на Красной площади,
Чтобы все её “видели в гробу”.

Борис Куприянов

Отроче, за голосом известным
Есть тоска о странствии небесном.
Это из второй главы, а вот из третьей:
И в немотствии позднем возможет душа,
Богатящийся голос оставив,
Шелестеть, поклоняться, скорбеть не спеша,
Поздравлять и проснуться, поздравив.
Ибо явь — это то, что до нитки назвал,
И в мерцаньи лесной паутины,
Отразился, одумался, вспомнил и впал
В содержащие небо картины.

Владимир Ром

В немотствии позднем и неспроста,
Боготящий голос оставив,
Запела Бориса живая душа
Шелестеть, поклоняться, скорбеть не спеша.
И в явь, что до нитки начертать сумел,
В мерцаньи лесной паутины.
Образумился, осклабился, вспомнил и впал
В содержащие небо картины.

Борис Терушкин

Не даны мне судьбой крылья вольные птицы.
Не парить над землей, высоко, в облаках.
Шар земной голубой мной не будет гордиться.
Не прославить мне имя свое на века.

Мне, увы, не дано быть спортсменом-атлетом,
На высокий Олимп - не взойти/покорить.
В океане, под парусом, к тайнам-секретам
Не лететь по волнам, не найти..., не открыть...

Мне не быть режиссёром, известным поэтом,
Космонавтом, учёным, актёром, врачом.
Не пойдут на парад с моим "в профиль" портретом -
И в политике я, ну совсем ни причём.

Мне не быть президентом, министром, генсеком.
Не вести за собой мне подобных себе.
Мне дарован удел - быть простым человеком,
И за это своей благодарен судьбе.

Владимир Ром

Не спортсмен, не политик, не летчик,
Не актер, музыкант и не врач,
И под парусом Тебе в океане,
Не летать, ничего не искать?

Но, стихи у Тебя откуда?
Ведь Ты сам их наверно писал.
Бог пожаловал тебе это чудо,
А не тем, кем Ты мог, но не стал.

Окунувшийся в лирики строчки,
Ты начнешь над землею летать,
Проникать в глубину океана,
С неба звёзды дождем осыпать.

Борис Шапиро

Черты молчанья
Очертанья губ,
К небесному огню направлен разговор,
Горнило легких, вдох, воздуходув,
Но слова раскаленного простор,
Черты молчанья.
Набит словами рот,
Но нет ни выхода, ни входа.
Крик, жалоба, молитва, ода,
Смятение, ругань, плач,
Привет, благословенье,
Свобода.
Могила рта пуста,
Страшна и необъятна,
В нем нет пространства,
Рта нет, есть уста.

Владимир Ром

Могила рта пуста или полна словами,
Как жалоба, молитва или ода,
Смятение, ругань или плач.
Любому рту нужна свобода,
Чтобы вздохнуть и легким отдохнуть.
Уста и губы мимику построят,
Когда к небесному огню направлен разговор,
Черта молчания: рта нет, есть могила,
Есть новый вздох и новый взор.

Борис Шифрин

Растаяла фигура на(с) кале (чат)
Не нам коллеги (й) (сос)тоялась встреча
В такую оттепель то(ска) и сквер нас ловит
И каждым деревом Никтополь беспаль(то) нет
Никтополь-ник.
Никтополь, город твой,
А кто — никтопольник?
Никтополь то паль то паль то паль
    Топай топай
Не толпись смо (три)
Смотриза
Крыши.

Владимир Ром

Смотрел на крыши и за крыши,
Пока не поехала крыша.
Никтополь тополь, тополь,
Смотрел и не шлёпал.
Твой город тот Никтополь,
Где без пальто ты топал.
В стихах не сквернословил,
Наверно думал жо.....

Борис Юхананов

Лещ говорящий с одалиской
Из списка где говно и боль
Совместно множат ноль на ноль
Изволь зачесть всю степень риска
За степень страха визга писка
Во время спуска вниз по спуску
Ведущего к ступеньке узкой
Над безъязычем бездной личной
Не кадыка но языка
Сочти все это за описку
Мяуча таз заменим миской
В которой мышка стала киской
Бессмысленный АУ пароль

Владимир Ром

Бессмысленный пароль Вас мучит,
В котором вместо кошки мышь мяучит.
Не может выскочить из таза,
Как Ваш язык от злого сглаза.
И в Вашей узкой бездне личной,
Ведущей по ступенькам вниз,
Вы умножали ноль на ноль,
В том списке, где говно и боль.

Братья Вайнеры

Об уголовниках писали книги,
О теневых сторонах Соцстраны.
Сами в тюрьме не сидели,
Хотя для познаний должны.

Владимир Романов

Вадим Калинин

Я не верю в разорванность слов,
Ненавижу беспочвенность фраз.
Я свободен от старых оков.
Я люблю взгляд твоих серых глаз.

Я хочу убить боль и печаль,
Что живут у меня в голове.
Одиночество скажет мне: "Жаль!
Не найдёшь ты с ней счастья, поверь!"

Не поверю! Пусть сдохнет оно,
Потеряется, сгинет долой!
На устах моих имя твоё -
Прожигает мой мозг кислотой.

Я люблю взгляд твоих серых глаз.
Я свободен от старых оков.
Ненавижу беспочвенность фраз
И не верю в разорванность слов...

Владимир Ром
Ты свободен от старых оков,
Восхваляешь лишь новые цепи,
Что сковали свободу твою,
Её именем и взглядом навечно.

Ненавидишь беспочвенность фраз
И не веришь в разорванность слов.
Сам себя не узнаешь потом,
А в стихах твоих речь лишь об этом.

Вадим Месяц

Как тяжек вес несомого мной бремя
Как давят душу сомнения мои
И тело прогибаясь опасается паденья
Ведь если пал то жизни больше нет

Но я держусь, воспитывая волю
И я молюсь спасения прося
Но помощь оказать никто не сможет
В ответе ты за это бремя сам

Так вытерпи и выдержи
Ты тяжесть бремя
И дотащи его ты до конца
И только в тот момент и время
Ты крылья белые раскроешь на века

Владимир Ром

Нам не понятны все Ваши желания,
Тащить всю тяжесть бремя до конца.
И лишь в конце приобретете крылья,
Расправите потом их на века.

После конца, наверно, в жизни райской,
Мечтаете Вы вечно полетать.
Но, думаю, что с Вашим бременем тяжелым,
В аду придется дальше прозябать.

Валентин Загорянский

Нельзяин Сидит Нельзяин на твоём плече...
, здравствуй! Как живешь, Нельзяин?
В порядке ли, скажи, твоё нельзяйство?
Здоровы ли нельзяиха, нельзяйчик?..

Владимир Ром

Как светится ментальность Социализма,
Которая прошла сквозь Вашу жизнь.
И на “нельзя” воспитаны Вы с детства
И из “нельзяйства” стихи Ваши сложить.

Валентин Хромов

Опять придет апрель —
Земля запреет, мы закурим.
С утра заплачет дверь,
Как зверь из зоотюрем.

И снова в гости к нам
Грачи наденут фраки,
Рассыпав из изнанок
Восклицательные знаки.

Владимир Ром

Я думаю Вы курите не только когда преет
Земля и плачут звери в зоотюрямах.
Тем более грачи и восклицательные знаки
Зовут наполнить никотином лёгкие как баки.

Валентина Михалева

Как трудно нам вдвоём...
А порознь - невозможно.
Вот так по жизни мы несём
Любовь неосторожно.

И радость малая нам праздников ценней,
Когда от ссоры к ссоре обида всё больней.
... Как много мы растратили в пути.
И с круга горестного нам не сойти ...

Владимир Ром

Любовь людская - это круг,
Магнитов замкнутое биополе,
Порой бывает у людей,
И вовсе не по собственной их воле.

Когда нет общих интересов,
Тогда нам трудно быть вдвоем,
От ссоры к ссоре все обидней,
И так по жизни мы идем.

Уж так устроена природа,
Наверно все идет от Бога.
Чтобы сильнее потомки были,
Различье ген соединили.

Валерий Брюсов

Звездное небо плывет надо мной.
Чистым сияньем сверкают планеты.
Вкруг меня движется сумрак ночной...
Тени ли мертвые светом согреты?
Вот проступают телесней, ясней
Твердые бедра и полные плечи,
Смотрят глаза из-под черных кудрей...
Сдержанный хохот, чуть слышные речи.
Вот обозначился белый хребет,
Грудь повисли, согнулись колени...
В небе холодном мерцанье планет,
В небе порядок кругов и движений...

Владимир Ром

Звёздное небо, сверкают планеты,
Движутся люди, бедра и плечи.
Все их движения предрешиены,
Небесным созвездиям подчинены.

Эпигр.

Отец модернистской культуры в Советской литературе,
В 13 лет привязался к поэзии.
Основоположник русского символизма,
Российский историк, поэт, прозаик реализма.

Валерий Земских

На Севере
То же самое что и на Юге
Правда думают
Но это неправда
Вот и Луна
Словно капля кефира на брюках
Лупа выпала из оправы
Не разбилась
Будем все увеличивать
Или уменьшим
Красный столбик термометра
Дергается в припадке
За какой погодой следить
И ломается
Нож без ручки
Так же остр
Но давно без дела
Соскоблю пятно
Со штанины

Владимир Ром

Вы наверное дёргались сами,
Когда столбик термометра был на месте.
Невзначай уронили лупу
И кефир пролили на брюки.
Думают на Севере и на Юге,
За какой следить погодой,
Что увеличивать лупой,
Не ломая ножи без ручек.
Соскоблив пятно со штанины,
Благополучно справляй именины

